

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

46/3 | 2005

Etrangers en Russie, Russes à l'étranger

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ТУНИСЕ.

MARINA A. PANOVA

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8822>

DOI : 10.4000/monderusse.8822

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 juillet 2005

Pagination : 545-576

ISBN : 2-7132-2056-4

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

MARINA A. PANOVA, « Histoire russe de l'émigration «première vague» en Tunisie. », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/3 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 20 avril 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8822> ; DOI : 10.4000/monderusse.8822

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_463&ID_ARTICLE=CMR_463_0545

История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе.

par **MARINA A. PANOVA**

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/3 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220564 | pages 545 à 576

Pour citer cet article :

– PANOVA M., История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе.

, *Cahiers
du monde russe* 2005/3, Vol 46, p. 545-576.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

МАРИНА А. ПАНОВА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ТУНИСЕ

История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе началась зимой 1920-1921 года, когда в тунисский порт Бизерта пришли 33 корабля Русской военной эскадры и прибывшие с ней шесть тысяч русских беженцев.

Тунис никогда не принадлежал к крупным центрам русской эмиграции. Это, так называемая эмигрантская периферия, однако здесь достаточно ясно отразилась судьба русской «белой» эмиграции и в целом, и на Востоке, в частности (Константинополь, Египет и т.д.). Одновременно ситуация, в которой оказались русские эмигранты в Тунисе имеет свои особенности, т.к. с одной стороны – это страна мусульманского Востока, а, с другой, французский протекторат (1881-1956 гг.), где сильно было влияние французской, а значит и европейской, цивилизации. Вот на этом необычном «разломе» культур и развивались события истории русской эмиграции «первой волны» в Тунисе.

Вторая особенность русской эмиграции в Тунисе связана с тем, что русские беженцы, оказавшиеся в Тунисе, являлись частью наиболее крупной волны «белой» эмиграции, выплеснувшейся в Турцию и страны Восточной Европы в результате Крымской эвакуации, характерной чертой которой был высокий процент содержания военных. В Тунисе же оказался наиболее воинственный ее отряд - военно-морской флот (моряки, офицеры и члены их семей), а также Севастопольский Морской корпус (кадеты и преподавательский состав). В этой связи, шесть тысяч русских беженцев не только составили первую достаточно массовую, чтобы быть замеченной в

социально-экономической и культурной жизни страны русскую общность, но и высоко политизированную и патриотически-настроенную русскую диаспору. До конца 1924 года Русская эскадра (корабли и личный состав) будет являться главным фактором, определяющим жизнь русской колонии не только Бизерты, но и всего Туниса.

Учитывая все вышеизложенное, интересным будет всесторонне и комплексно рассмотреть историю и различные аспекты жизни русской эмиграции «первой волны» в Тунисе во всех её проявлениях (флот, церковь, культура и т.д.). Попытаться ответить на вопрос о том, как русским эмигрантам удавалось жить и развиваться в этой стране, и какое наследие они оставили...

Источниковая база истории русской эмиграции «первой волны» в Тунисе достаточно специфическая и многоплановая: материалы личного происхождения (мемуары, интервью), пресса, а также официальные бумаги и документы. Официальные бумаги разного происхождения находятся в архивных фондах разных государств: в России (Государственный архив РФ, Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ, Центральный военно-исторический архив и др.), Франции (Archives de la Marine de Vincennes; Archives de Nantes; возможно, в Archives de Quai d'Orsay) и Тунисе (Archives Nationales de Tunisie à l'Institut du Mouvement National de Tunisie à Manouba, Université Tunis 1, копии Archives de Nantes, частные архивные коллекции). Наиболее полные коллекции документов представлены, тем не менее, в российских архивах, в фондах которых хранятся как советские государственные бумаги, так и копии материалов французского руководства, архивные документы организационных структур «белой» русской эмиграции, известные под названием «Пражский архив». Использование различных по происхождению архивных материалов позволяет воссоздать достаточно полную картину прошлого и рассмотреть различные аспекты изучаемой проблемы.

История появления русских в Бизерте

Гражданская война в России приближалась к концу. 28 октября 1920 года (10 ноября по новому стилю) пал Перекоп. Барон П. Н. Врангель издал приказ по флоту об эвакуации Крыма. Практически за три дня на 126 судов погрузились около 150 тысяч человек: воинские части, их семьи, большая часть гражданского населения крымских портов: Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи¹.

Переход из Крыма по штормовому Черному морю был непростым, однако в середине ноября почти все корабли стали на якорь на рейде Моде в

---

1. *Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке*, СПб., 1998, с. 219.

Константинополе. Российские суда вошли в Босфор под французским флагом. Еще 13 ноября 1920 года была подписана конвенция между Верховным комиссаром Франции в Севастополе господином Мартелем, адмиралом Дюменилем (Dumesnil) и генералом Врангелем, в которой говорилось, что последний передает свою армию, флот и своих сторонников под покровительство Франции, предлагая в качестве платы доходы от продажи военного и гражданского флота. Вследствие этого соглашения русские военные и торговые корабли подняли французский флаг на мачтах².

Константинополь принимать беженцев отказался: ни одно государство не было в состоянии принять такое огромное количество людей. Уместно отметить, что массовый исход русских нес с собой разного рода проблемы: политические, социально-экономические, культурные, с которыми впервые столкнулась, как сама Россия, так и ее бывшие союзники (в первую очередь, Франция и Англия, а также другие страны), которые, часто не имея никакого выбора, оказались, так или иначе, втянутыми их решение. Основная нагрузка по эвакуации Крыма и последующему размещению беженцев легла на плечи Франции, как союзника России по антигерманской коалиции, и которая прилагала значительные усилия для того, чтобы, используя французские суда, помочь генералу Врангелю при эвакуации, а самое главное – разместить 150 тысяч человек.

Позиция Франции по отношению к русским беженцам немногим позднее будет выражена в циркулярной телеграмме ее МИДа от 19 января 1921 года:

...Французское правительство, отсоветовало бы подобный исход, если бы с ним проконсультировались, однако оно не сочло возможным не проявлять интереса к такому громадному бедствию этих несчастных и, повинувшись чисто гуманным мотивам, оказалось единственным правительством, которое до сих пор несет крайне тяжелые расходы по их снабжению, содержанию, обеспечению жильем, которые оно ни в чем не должно нести. Перед лицом невозможности принять столь большое число людей в Константинополе, французские власти попытались распределить их по соседним странам и облегчить их возвращение в Россию³.

Последнее было связано с большими надеждами на скорое падение Советов и возврат к старым порядкам⁴.

---

2. Текст этой конвенции не обнаружен. Ее содержание передается в докладе депутата Ландри в палате депутатов Национального собрания 13.02.1925 г. См.: Центр Хранения Историко-Документальных Коллекций, ф. 7 198, оп. 9, д. 18787, л. 13; а также: *Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы*, т. 1.: *Так начиналось изгнание: 1920-1922 гг*, кн. 1: *Исход*, М., 1998, с. 26.

3. Циркулярная телеграмма МИД Франции от 19 января 1921 года своим представителям в Европе, Южной и Северной Америке с указанием обратиться за помощью к Правительствам, при которых они аккредитованы, с просьбой о помощи в материальном обеспечении русских беженцев в Константинополе и предоставлении им убежища. См. *Русская военная эмиграция...*, с. 301.

4. Подобного рода убеждение подтверждалось и еженедельными сводками разведки западных государств. См. «Еженедельная секретная сводка разведывательного

Всеобщая надежда на скорое падение «красного» режима и возвращения в Россию еще в большей степени господствовала в умах и настроениях русских беженцев. В первые месяцы изгнания ее воплощение казалось недалеким будущим. Однако, с годами, эта идея превратится в мифическую идею, хотя и будет продолжать определять образ жизни и устроения русских эмигрантов.

Большую часть беженцев составляли гражданские лица или больные, которым была необходима гуманитарная помощь, но союзники выражали особую обеспокоенность военными беженцами⁵. Нерешена была и судьба флота.

Сразу по приходе кораблей в Константинополь, началась демобилизация пароходов, а также расформирование служб и учреждений, ставших теперь излишними. Многие моряки изъявили желание оставить службу и покинули корабли. Название «флот» не соответствовало уже количеству и составу русских вооруженных сил, а потому Черноморский флот приказом командующего за № 11 от 21 ноября 1920 года был переименован в Русскую эскадру. Командующим эскадрой был назначен старший флагман вице-адмирал М. А. Кедров, начальником штаба – контр-адмирал Н.Н. Машуков⁶.

1 декабря 1920 года Французское правительство приняло решение направить Русскую эскадру в тунисский порт Бизерта. Соответствующая телеграмма из военного министерства пришла в тот же день в штаб французской Восточно-Средиземноморской эскадры. Важную роль при решении этого вопроса сыграл председатель Совета и Министр иностранных дел Жорж Лейг (Georges Leygues) при активном содействии адмирала

отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры на 18 декабря 1920 г.», Там же, с. 267.

5. «... Хотя бывшая армия Врангеля уже не существует, а ее солдаты разоружены и рассматриваются в качестве обычных частных лиц, их длительная концентрация вокруг проливов в неопределенном состоянии и в нищенских условиях может представить реальную угрозу безопасности Константинополя и миру на Востоке. Поэтому важно их незамедлительно рассредоточить». См. «Циркулярная телеграмма МИД Франции от 19 января 1921 года своим представителям в Европе, Южной и Северной Америке с указанием обратиться за помощью к Правительствам, при которых они аккредитованы, с просьбой о помощи в материальном обеспечении русских беженцев в Константинополе и предоставлении им убежища», там же, с. 301.

«Гражданские лица потихоньку растворяются, что же касается полувоенных ... подразделений, то они мало-помалу разделят судьбу гражданских лиц. Остается разрешить проблему: что делать с военными? Кое-кто встает на путь воображения». См. «Из еженедельной секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры на 18 декабря 1920 г.», там же, с. 267.

6. *Армия и флот: Военный справочник*, Париж, 1930; «Реорганизация флота в эскадру», *Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке*, СПб, 1998, с. 222.

Дюмениля'. Перебрасывая русских беженцев в Бизерту, Французское правительство брало на себя и обязательство оплатить расходы по их содержанию⁸.

Подробности обсуждения и принятия этого решения можно найти в Archives de la Marine de Vincennes, Archives de Nantes и в Archives de Quai d'Orsay. Тем не менее, выбор тунисской Бизерты как места стоянки флота может иметь под собой следующие, на наш взгляд основания. С одной стороны, русский флот не мог оставаться в Черном море и в Константинополе из-за планов стран Антанты в отношении самой Турции, которую по Севрскому договору от 10 августа 1920 г. предполагалось разоружить, сделать фактически полуколонией стран Антанты и использовать как барьер против акций и пропаганды Советов в регионе. С другой стороны, французы, надеясь получить суда эскадры, не хотели пускать такое количество кораблей и людей в один из своих портов во избежание социально-политических и других проблем на своей территории. Кроме того, после первой мировой войны был ограничен тоннаж флотов европейских стран. Таким образом, эскадра была направлена во французский военно-морской порт Бизерту на севере Африки, где, несмотря на свою географическую близость к старому континенту, она не бросалась в глаза Европе и, одновременно, находилась в ведении Франции⁹.

Однако, принимая решение о направлении эскадры в Бизерту, французские власти еще не предполагали, что основной проблемой станет вопрос решения судьбы и устройства людей.

21 декабря 1920 года первым подошел к Бизерте пакетбот «Великий князь Константин». В середине февраля 1921 года в тунисский порт Бизерт прибыла вся эскадра: 33 корабля, на которых было около 6 000 русских беженцев. По поручению французского правительства эскадру встретил маршал Петэн. Однако местные власти приняли эскадру холодно. Уже 23 декабря 1920 года директор одной из крупнейших газет того времени *Tunisie française* Х. Тридон в статье под заголовком «Русские Врангеля в Бизерте» открыто заявил, что жители города (читай – французские колонисты) не испытывают никакого энтузиазма при виде русского флота на рейде.

...Кто эти люди, мы не знаем. Среди них, возможно, есть элементы, особо опасные тем, что в состоянии спровоцировать столкновения с нашими войсками... Мы рекомендуем всем торговцам в Бизерте относиться к русским с осторожностью – какой валютой собираются оплачивать они свои покупки?... Можно и не проповедовать большевистские взгляды, чтобы увидеть, с какой наивностью французское правительство выбросило миллиарды

---

7. «Из ежемесячного оперативного рапорта штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры в Генеральный штаб Вооруженных сил Франции за декабрь месяц 1920 г.», *Русская военная эмиграция...*, т. 1, книга 1, с. 268; А. А. Манштейн-Ширинская, «Андреевский стяг», *Русский вестник*, № 28-29, 1995, с. 6.

8. См. № 3.

9. Г. Бизерта с 1895 по 1963 год был военно-морской базой Французского флота.

франков, снабжая генералов и их, так называемые, контрреволюционные войска всем необходимым, а эти генералы и эти войска фактически нигде не устояли против красных армий... Надо бы отправить их отсюда напрямик в Алжир. Жаль, что Тунис не имеет достаточно сильного голоса, чтобы заявить о своем нежелании быть той страной, на которую свалилась эта неожиданная неприятность¹⁰.

Настороженность со стороны властей продолжала оставаться и в дальнейшем. Прибывшие корабли со всеми находящимися на них офицерами, матросами и гражданскими лицами посадили на карантин. Один из морских офицеров В. фон Берг писал:

Ярко-желтые флаги взвились на мачтах. Французский карантин покрыл русские суда. Никто не смел съехать на берег, никто не смел подойти к нам. Что за болезнь была на эскадре? Оспа, тиф или чума? Нет! Не того опасались французы... Мы шли из страны ужасной болезни: красной духовной заразы, и вот этой заразы, пуце другой, боялись французы¹¹.

Подобное суждение подтверждается письмом руководителя службы безопасности в Тунисе, который обратился к колониальным властям с просьбой укрепить полицейскую службу политической безопасности Бизерты, в связи с прибытием русских беженцев, большинство из которых, по его мнению, было «пропитано большевизмом». Специально для надзора за русскими из Франции в Тунис прибыли несколько агентов¹².

Задержка со спуском на берег объяснялась и сугубо организационными причинами, т.к., отправив Русскую эскадру в Бизерту, французы еще не знали, как и что с ней делать. Уже через три дня после прибытия в Бизерту всех кораблей командующий эскадрой вице-адмирал М. А. Кедров был вызван в Париж для переговоров, и в Бизерту он больше не вернулся. Приемником на его посту стал контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс.

Русская эскадра простояла на карантине около месяца. За это время приказом морского префекта Бизерты вице-адмиралом Даррье были определены меры, регулирующие правила пребывания эскадры и ее личного состава, а также гражданских беженцев в Бизерте. К русским беженцам начинают применять международные полицейские правила в отношении иностранцев, живущих в чужой стране: специальное Бюро по гражданскому контролю за иностранцами перед спуском на берег выдало каждому беженцу удостоверение личности. Сообщение с берегом офицеров и моряков эскадры, в виду изложенных выше опасений, регулировалось особым образом: только офицерам предоставлялось право свободного посещения берега, корабли могли отправлять в увольнение на берег не более четверти его состава, весь экипаж должен был возвращаться на корабль до 18 часов, ночевка в городе

10. Н. Trindon, « Les Russes de Wrangel à Bizerte », *Tunisie française*, 23/12/1920.

11. В. Берг, «Последние гардемарины», *Узники Бизерты...*, с. 81.

12. Ю. Зинин, Н. Шевцов, «Да будет легка им чужая земля: судьба русской эскадры, покинувшей Крым с остатками армии Врангеля; К 300-летию Российского флота», *Труд-7*, 12 июля 1996, с. 7.

разрешалась только офицерам, чьи семьи проживали в Бизерте и т.д. При этом, ссылаясь «на наличие большого количества расквартированных (в Бизерте) войск», открыто объявлялось о том, что моряки «будут являться объектом специального наблюдения патрулей». Налагался полный запрет на ношение любого вида оружия¹³.

Таким образом, французские власти пытались сделать все возможное, чтобы присутствие Русской эскадры не нарушило привычного положения дел в Бизерте: избежать любых социально-политических осложнений, провокаций и обеспечить нормальную деятельность своей военно-морской базы.

Являясь по своему характеру эмиграцией политической, русская колония Туниса и в дальнейшем будет испытывать на себе все те трудности, которые испытывает эмиграция данного типа. Настороженное отношение французских властей к политическим настроениям русских будет оставаться долгие годы. С одной стороны, власти пытались контролировать распространение большевистских идей в среде эмигрантов, которое все же начнется на волне патриотизма в годы второй мировой войны¹⁴, а, с другой, – обеспечить если не поддержку, то хотя бы лояльное отношение «белых» русских к комплексу непростых внутривнутриполитических проблем Туниса, о чем будет говориться ниже.

Социальный состав прибывших в Тунис русских беженцев представлен в докладе представителя Русского Красного Креста П. П. Перфирьева, посетившего Бизерту летом 1921 года. В нем указывается, что наполовину контингент состоял из крестьян, казаков и рабочих. Другая половина была представлена моряками и офицерами флота, членами их семей, а также лицами интеллигентных профессий – инженерами, врачами, юристами, чиновниками и т.п.¹⁵

Русские беженцы, в первую очередь находящиеся на эскадре, первые годы находились в материальной зависимости от французского правительства, а также благотворительных фондов и организаций, что ограничивало их финансовое благосостояние и делало зависимым от этих структур. Вопросы по содержанию Морского корпуса также решались во Франции.

Французскими властями, со своей стороны, было решено свести до минимума расходы на содержание кораблей и прибывших на них беженцев.

---

13. «Приказ морского префекта Бизерты вице-адмирала Даррье о порядке увольнения личного состава Русской эскадры на берег. 28 января 1921 г.», *Русская военная эмиграция*, т. 1, книга 1, с. 303-305.

14. Archives Nationales de Tunisie à l'Institut du Mouvement National de Tunisie à Manouba, Université Tunis 1, Archives de Nantes, Série Tunisie. 1944-1949. C.92.D.1. (Bobine R 607).

15. Из доклада П. П. Перфирьева о положении русских беженцев в Тунисе, *Русская военная эмиграция...*, т. 1, книга 2: *На чужбине*, М., 1998, с. 67.

В связи с этим, суда начали консервировать, оставляя для их охраны и обслуживания самое необходимое количество моряков, а все дееспособное население как можно быстрее списывать на берег, предоставляя ему возможность самостоятельно устраивать жизнь¹⁶.

Местные французские власти, тем не менее, не могли оставить без помощи такое большое количество людей, лишенных средств к существованию, среди которых были больные, раненые, старики, неспособные работать, и дети-сироты. Однако французы оказывали беженцам временную помощь и стремились, чтобы те сами зарабатывали себе на жизнь.

Все эмигранты в начале 1921 года перед спуском на берег прошли дезинфекцию в госпитале Сиди-Абдалла близ Бизерты¹⁷. Весной того же года началась подготовка лагерей беженцев, которые могли бы, по мнению французских властей, хоть как-то облегчить участь русских хотя бы на первых порах.

Общая картина расселения русских по территории Туниса

При поддержке французских властей по всему Тунису было организовано семь лагерей беженцев: в Бизерте, Табарке, Эн-Драхме, Монастире, Надоре, Рара и Сфаксе. В беженских лагерях было устроено около 1000 человек¹⁸. Раненые моряки (всего 500 человек) были отправлены во французский морской госпиталь, а семьи членов эскадры и Морской кадетский корпус устроены в особых лагерях, в которых вскоре были начаты учебные занятия¹⁹. Началось расселение русской диаспоры по Тунису. Основная часть русских сосредотачивается в столице Тунисе и в Бизерте.

Одновременно, многие русские беженцы начали покидать страну. Главным образом из-за отсутствия возможностей найти работу, но также и в надежде найти более достойное существование. В первую очередь уезжали те, у кого были родственники в США, Европе или Австралии. Они имели возможность получить материальную поддержку для оплаты дороги, а также для обоснования на новом месте. Большое количество русских устремилось во Францию. Это объяснялось многими причинами. В 1920 году Франция была единственной страной, признавшей правительство Врангеля, а потом

---

16. «Письмо адмиралу Даррье командующему Русской эскадрой адмиралу Кедрову с предложением мер по консервации кораблей и переводу на сушу экипажей и членов их семей», там же, книга 1, с. 296-298.

17. В. Берг, «Последние гардемаринь», *Узники Бизерты...*, с. 84.

18. ГАРФ, ф. 5826, оп.1, д. 114, л. 20об.

19. Н. З. Кадесников, *Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, озерах и реках России в 1917-1922 гг.*, СПб., 1991.

взявшей под свою защиту русских беженцев²⁰. Кроме того, французские власти периодически предоставляли право бесплатного проезда во Францию русским беженцам, пожелавшим покинуть Тунис. К сказанному выше добавились также экономические причины. Ослабленная за годы первой мировой войны Франция нуждалась в рабочей силе и охотно принимала русских эмигрантов, в основе своей знающих французский язык, образованных, способных сразу же включиться в активную деловую жизнь. Так за 1921 год во Францию выехало свыше 3 тысяч человек²¹. Однако скромные материальные возможности не позволяли русским покинуть Тунис самостоятельно. Когда в мае 1922 года была проведена новая массовая (600 человек) отправка русских во Францию, то многие, узнав об этом, из опасения упустить такую возможность, заранее бросали свои места службы и спешили в Тунис или Бизерту²². Таким образом, число русских, оставшихся в Тунисе, начало стремительно сокращаться.

По сведениям Председателя комиссии по делам русских беженцев в Северной Африке на сентябрь 1922 года²³ в Тунисе проживало уже не более 2000 русских:

	Местонахождение	
1	На пайке в Бизерте	900
2	г. Бизерт	100
3	г. Тунис	400
4	г. Дельенне на строительстве водопровода	100
5	В Сузах	44
6	г. Монастир	9
7	г. Сфакс	60
8	В районе фосфатных копей	44
9	На линии Сфакс –Гафса	8
10	г. Габес	4
11	На строительстве железнодорожной линии Тунис - Сузы	35
12	Джербель – Фроцца	10
13	Асид-Алюс-бен-Сиди	10
14	Домэн Утик	20
15	В других местах	100
	В С Е Г О	1844

20. Э. А. Шулепова, «Проблемы адаптации российской эмиграции: первая волна», *Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940: в 2-х книгах*, книга 1, М., 1994, с. 169.

21. *Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Состояние, организация и деятельность по данным к 1-му октября 1921 г.: Материалы стратегической разведки*, 1921, с. 9.

22. ГАРФ, ф. 5903, оп. 2, д. 179, л. 25.

23. ГАРФ, ф. 5903, оп. 2, д. 179, л. 83.

После 1924 года, после роспуска эскадры, картина расселения русских по Тунису несколько изменится и уже в этом последнем виде будет сохраняться в общих чертах вплоть до 1956 года. По всеобщей переписи населения 1926 года больше всего русских осядет в столице протектората Тунисе – 314 чел. (44,8%); вторым центром станет Бизерта – 92 чел. (13,1%). Высоким будет процент проживания русских в крупных прибрежных городах-портах: Сфакс – 43 чел. (6,1%), Сусс – 34 чел. (4,9%). Много мужчин проживало в горнодобывающих районах Центра и Юго-востока страны, например, в Гафсе – 66 человек. Такое расселение русских по территории Туниса было связано, в первую очередь, с наличием или отсутствием в различных городах рабочих мест, на которые могли претендовать русские эмигранты. Всего на 20 апреля 1926 года в Тунисе проживало порядка 876 русских (500 мужчин, 200 женщин и 176 детей и подростков)²⁴.

До конца 1924 года возможность покинуть Тунис в большей степени касалась гражданского населения. Русские морские офицеры и матросы, оставаясь верными присяге, не могли оставить корабли без соответствующего приказа. В июле 1921 года на судах эскадры оставалось 1442 человека, из которых мужчин 1336, а также члены их семей: 70 женщин и 36 детей²⁵.

Жизнь Русской эскадры в Бизерте 1921-1924 гг.

Официально французское Морское министерство дало обещание сохранить все боевые суда Русской эскадры до момента их передачи признанному Францией правительству России²⁶. Таким образом, в задачу морских офицеров и матросов входило поддержание жизнеспособности пришедшей в Бизерту эскадры до окончательного решения ее судьбы. «Цель нашего пребывания на эскадре – стараться всячески сохранить национальное русское достояние для его законного владельца», – читаем мы в приказе главнокомандующего эскадры от 22 октября 1922 года²⁷.

Что же касается состояния самих кораблей, то в разных источниках оно оценивается по-разному. Материалы советской разведки за 1921 год

---

24. Habib Kazdaghli, « La communauté russe de Tunisie (1920-1956) », *Rawafi : revue universitaire de Tunis*, 1997, n° 3, p. 9.

25. Из доклада П. П. Перфирьева о положении русских беженцев в Тунисе, *Русская военная эмиграция ...*, т. 1, книга 2, с. 67.

26. Н. З. Кадесников, *Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, озерах и реках России в 1917-1922 гг.*, СПб., 1991, с. 10.

27. С. Ольман, «Гибель последней русской эскадры», *Русская мысль*, 22-28/07/1999, № 4279, с. 15.

сообщают о плачевном состоянии флота: суда были разбиты особенно во время последнего перехода, механизмы – испорчены, орудия расшатаны²⁸.

Однако из доклада комиссии по проверке состояния Русской эскадры в Бизерте Главнокомандующему Русской армией генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю от 24 марта 1922 года следует, что, боеспособность кораблей можно восстановить за 2-3 месяца. Но и эти сроки объяснялись необходимостью монтажа снятого французами оборудования и подготовкой команд матросов²⁹.

Таким образом, этот вопрос требует дополнительного исследования, ведь в 1924 году, в момент окончательного решения судьбы Русской эскадры, он вновь окажется в центре внимания. Очень важно понять, что все-таки пытались сохранить русские моряки: боеспособные корабли или то, что от них осталось? Что находилось в центре жарких споров и дискуссий – реальные боеспособные единицы военно-морского флота или название «флот» стало основанием для политических интриг и манипуляций? Неоспоримо лишь то, что русские офицеры и матросы, оказавшиеся в Бизерте, продемонстрировали высокое чувство долга и верности присяге и Отечеству, которое заслуживает уважения.

С марта 1921 года началось приведение судов эскадры в состояние долговременного хранения, а также сокращение ее численного состава³⁰. Командир ледокола «Гайдамак» капитан 1-го ранга Вилькен писал:

Корабли выводят в резерв и ставят в положение консервации. Для резерва предназначаются: «Алексеев», «Корнилов», «Кронштадт», «Дерзкий», «Беспокойный» и «Пылкий»... Жалко, при выходе из Константинополя мы думали, что у нас еще будет боевое будущее...³¹.

В связи с происходящими на эскадре событиями многих моряков охватывает чувство отчаяния: имели место случаи самоубийств и умопомешательств.

Однако на эскадре постепенно устанавливается свой образ жизни. На кораблях проводилась военная подготовка, а для молодых офицеров открылись классы подводного плавания и артиллерийский. В ноябре 1921 года был учрежден нагрудный знак для личного состава Русской эскадры в форме креста с надписью «Бизерта. 1920-1921». Все это, так или иначе, способствовало поддержанию морального духа моряков.

---

28. *Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом...*, с. 11.

29. «Доклад комиссии по проверке состояния Русской эскадры в Бизерте Главнокомандующему Русской армии генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю о перспективах использования эскадры для десантных операций в районах Одессы и Новороссийска», *Русская военная эмиграция...*, т.1, книга 2, с. 198-204.

30. *Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом...*, с. 9.

31. «Письмо командира ледокола »Гайдамак» капитана 1-го ранга Вилькена капитану 1-го ранга Черкасову об итогах перехода из Константинополя в Бизерту отряда кораблей Русской эскадры. 18.02.1921г. », *Русская военная эмиграция*, т.1, книга 1, с. 308-309.

Французы были заинтересованы в сохранении хорошего состояния кораблей. Продавая боевой запас эскадры, механизмы и оборудование кораблей для покрытия расходов на ее содержание, тем не менее, выделялись и достаточные средства для ремонта судов, т.к. состоянием корабля определяется и его цена.

С 1922 года, для покрытия расходов на содержание эскадры, один за другим русские корабли и их имущество начинают распродаваться. Моряки, пытавшиеся спасти свой флот, часто доходили до отчаяния. В знак протеста против продажи мичманы Непокойчитский и Рымша в ночь с 26 на 27 февраля 1923 года затопили лодку «Грозный» на дне Бизертской бухты. За что оба были отданы под суд и посажены в тюрьму³². Подобные случаи лишь усиливали недоверие к русским военным со стороны французских властей, в том числе и подозрения в большевизме.

Тем не менее, доходы, получаемые от продажи кораблей, не спасли русских моряков и членов их семей от весьма скромного существования. Офицеры и матросы получали соответственно по 21 и 10 франкам. Этого с трудом хватало на покупку табака и килограмма сахара. В целом, люди жили на пайки. В 1923 году французские власти снова ужесточают требования к русским морякам. Численность эскадры сокращается до 550 человек.

Четыре с половиной года военные моряки и члены их семей продолжали жить на кораблях, стоявших в бухте Каруба. Здесь нужно отметить, что местные французские власти совершенно не вмешивались во внутреннюю жизнь эскадры. Французское Морское командование решило сохранить управление эскадрой, ее личным составом и отчасти проблемами беженцев в руках русского командования. Все распоряжения властей передавались через командующего Русской эскадрой. Штаб эскадры занимался не только вопросами проведения консервации и технического обслуживания и ремонта кораблей, но также обеспечивал организацию медицинской службы, службы связи с французским Управлением морского порта и др.³³. Таким образом, русским предоставлялась определенная самостоятельность, а Русская эскадра сохранилась как отдельная военно-административная структура.

Старый линейный корабль «Георгий Победоносец» стоял у берега, в канале, в самой Бизерте, и использовался как своеобразное общежитие.

Жили на нем семьи своим миром: своя школа, своя церковь, свои доктора, свои праздники и традиции, которые строго соблюдались. Контакта с внешним миром почти не имели главным образом из-за отсутствия материальных возможностей. Лишения мало трогали детей, они жили

---

32. ГАРФ, ф. 5903, оп. 1, д. 122, л. 92.

33. «Приказ морского префекта Бизерты вице-адмирала Даррье об определении мест якорной стоянки русских военных кораблей и размещении их личного состава на берегу. 9 марта 1921 г.», *Русская военная эмиграция...*, т. 1, книга 1, с. 312; Н. З. Кадесников, *Краткий очерк Белой борьбы...*, с. 80.

совершенно необыкновенным, обособленным миром. Для взрослых людей все было труднее, но жила еще надежда, что флот еще послужит России, –

делится своими детскими воспоминаниями А. А. Манштейн-Ширинская, попавшая в Тунис восьмилетней девочкой и являющаяся сегодня последней представительницей русской эмиграции «первой волны» и ныне проживающей в Бизерте³⁴.

Русские учебные заведения в Тунисе

Значительная часть российских эмигрантов «первой волны» покинула Родину вместе со своими семьями, в том числе детьми разных возрастов. Вопрос о воспитании подрастающего поколения составлял особую заботу эмигрантов: с одной стороны, они пытались передать детям русские традиции, вероисповедание и культуру, а, с другой, ставили задачу подготовки высококвалифицированных кадров для России после ее «освобождения от коммунистического ига». Данный подход был продиктован, прежде всего, господствовавшими особенно в начале 20-х годов представлениями о скором возвращении на Родину.

Одновременно и задача сохранения «во что бы то ни стало» Русской армии для последующей борьбы с советами, поставленная генералом П. В. Врангелем³⁵, не могла быть выполнена без надлежащего воспитания подрастающего поколения в духе российских воинских и патриотических традиций. Посредством образования предполагалось внести в молодежную среду в эмиграции идею продолжения вооруженной борьбы и создать, таким образом, резерв кадров для Русского Обще-Воинского Союза (РОВС, 1924 г.) из состава молодого поколения российской эмиграции³⁶.

Проведение в жизнь этих основных задач начинается практически с первых недель пребывания русских в Тунисе. Первая русская школа была открыта на «Георгии Победоносце» 1 октября 1921 года. Директором школы была Галина Федоровна Блохина – единственный профессиональный педагог. Несмотря на это, как пишет А. А. Манштейн-Ширинская, «учение было поставлено очень серьезно»,³⁷ 7 мая 1922 года открылась еще одна русская школа в лагере беженцев в Ремеле (Rémel)³⁸. Обучение в школах велось на русском языке. Русским детям, оказавшимся в Африке, прививалось чувство гордости и любви к России. Они учили российскую

---

34. А. А. Манштейн-Ширинская «Андреевский стяг»..., с. 6.

35. ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 153(3), л. 245 об.

36. ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 39(5), л. 289.

37. А. А. Манштейн-Ширинская, «Андреевский стяг»..., с. 6.

38. ГАРФ, Ф. 5903, оп. 2, д. 179, л. 13.

историю, часто присутствовали при спуске Андреевского флага на эскадре и особо дорожили и гордились своим морским воспитанием.

Русские школы просуществовали в Тунисе до середины 1920-х годов, а потом, из-за изменившейся с признанием Францией СССР политической ситуации и отсутствием, в связи с этим, материальных средств, русские дети школьного возраста были вынуждены продолжить образование во французских школах Туниса. Это во многом способствовало в дальнейшем интеграции «детей эмигрантов» как во франкоязычном Тунисе, в первую очередь в его европейское общество, так и при переезде во Францию.

Наиболее яркой страницей истории образовательных учреждений русской эмиграции «первой волны» в Тунисе, безусловно, является деятельность с 1921 по 1925 год Севастопольского Морского корпуса, прибывшего с Русской Эскадрой и обосновавшегося в трех километрах от Бизерты в старом французском форте на горе Эль-Кебир (El Kébir).

Морской корпус – среднее военно-морское учебное заведение, существовавший в России с 1701 года, был детищем Петра I. Сначала в Москве в Сухаревской башне под названием Школа математических и навигацких услуг, а затем в Петербурге уже как морская академия, которая вместе с навигацкой школой и гардемаринской ротой в 1752 г. превратилась в Морской кадетский корпус. С 1916 года учебное заведение получило имя Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича училища, старшие (гардемаринские) классы которого располагались в Петербурге, а младшие (кадетские) – в Севастополе. После октябрьских событий 1917 года и закрытия училища в столице часть гардемарин и кадет, оказавшихся на Дальнем Востоке, сформировала Владивостокское морское училище, просуществовавшее до 1920 года. В 1919 году по приказу генерала Деникина из гардемарин и кадет дореволюционного училища, находившихся в Крыму, был образован Севастопольский морской кадетский корпус³⁹. Во время гражданской войны большая часть его офицеров и курсантов сосредоточилась в Белой армии. Они воевали и у Юденича, и у Колчака, и у Деникина, а, в конце концов, под командованием Врангеля в Крыму.

В Бизерте в 1921 году оказалось ядро Морского корпуса, на базе которого с согласия и при материальной поддержке французских властей была организована военно-морская школа⁴⁰. Морской префект вице-адмирал Варней предоставил ему старый форт Джебель-Кебир в нескольких километрах от Бизерты и у его подножия лагерь Сфаят (Sfayat), для персонала и складов. Одновременно французское правительство с самого начала ограничило срок работы Морского корпуса в Бизерте, не позволив кадетам поступать в гардемаринские классы и постепенно придавая военно-морскому учебному заведению, каким являлся Морской корпус, форму

---

39 *Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом*, М., 1999, с. 219.

40. А. А. Ширинская, *Бизерта: Последняя стоянка*, М., 1999, с. 140.

общеобразовательного русского учебного заведения. С 1923 года Морской корпус стал именоваться «орфелинатором».

13 января 1921 года Севастопольский Морской корпус начал свою новую жизнь в Африке.

320 гардемарин и кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды, 50 членов семей. Все эти 470 человек составили маленькое самостоятельное русское княжество, управляемое главой его Вице-Адмиралом Герасимовым, который держал в руках своих всю полноту власти⁴¹.

Александр Михайлович Герасимов вступил в исполнение обязанностей директора Морского корпуса еще в Константинополе.

Морской корпус состоял из семи рот, четырех кадетских и трех гардемаринских. Кадетами Морского корпуса были мальчики и юноши разных возрастов, иногда совсем маленькие, очень часто оторванные от семьи или круглые сироты. За годы работы Морского корпуса в нем были собраны почти все молодые люди и подростки, оказавшиеся в Бизерте с Русской Эскадрой. Это уберегло многих из них «от прозябания в невежестве и нищете», и дало возможность достойно продолжить их жизнь⁴².

Персонал корпуса и жены преподавателей занимались детьми с большой любовью. Главным стремлением преподавателей Морского корпуса и его директора было создать все необходимые условия для получения русскими детьми достойного образования. Образование, с седьмой по четвертую роту, соответствовало программе реальных училищ с учетом усиленного преподавания математики и морского дела. В трех старших ротах гардемаринины получали специальное высшее образование, включавшее в себя курсы высшей математики, астрономии, штурмового дела, лоции, навигации, артиллерии и др⁴³.

Однако обстановка, в которой проходили занятия, была трудная. Хотя Французское правительство взяло на себя обеспечение корпуса помещением, пайком, платьем, бельем и обувью, многие расходы покрывались из ограниченных беженских средств. Возможностью своего существования Морской корпус был во многом обязан заботам Военно-Морского Агента во Франции Капитана 1-го ранга Владимира Ивановича Дмитриева, а также хлопотам вице-адмирала Кедрова. Определенная помощь оказывалась Всероссийским Красным Крестом в Париже, Союзом Земств и Городов⁴⁴, организацией епископа Шапталя⁴⁵.

---

41. В. Берг «Последние гардемаринины»..., с. 84-85.

42. А. Зернин «Исчезнувшая сила», *Часовой*, № 164, 1936, с. 14.

43. *Россия в изгнании*..., с. 220.

44. П. А. Варнек «Морской корпус в Бизерте. Джебель Кебир», *Узники Бизерты*..., с. 234-235.

45. *Кадетская переключка*, № 142, 1957, с. 51.

Помещение было мало приспособленным для занятий. Корпус смог вывезти с собой из Крыма оборудование и библиотеку в 3000 томов, что обеспечивало учебный процесс необходимым учебным материалом и способствовало повышению его уровня, но учебники и отдельные курсы, тем не менее, приходилось печатать самостоятельно в ограниченных условиях небольшой типографии корпуса⁴⁶.

За недостатком преподавателей и необходимого технического оборудования, корпус, разумеется, не мог дать полного морского образования, которое давал Морской корпус в Петербурге, но под руководством адмирала А. М. Герасимова программы занятий были преобразованы для подготовки воспитанников корпуса для поступления в высшие учебные заведения в других странах. Программа кадетских классов была приравнена к программе французских средних учебных заведений, а диплом приравнивался к французскому «Бакалореа», т.е. аттестату зрелости⁴⁷.

Несмотря на непростые условия, результаты, достигнутые Морским корпусом, были достаточно высокие. Многие из бывших его воспитанников продолжили учебу в университетах Франции, Бельгии, Чехословакии и Югославии. Первый выпуск Морского корпуса состоялся в 1922 году, и весь был принят в электротехнические и специальные высшие школы Чехословакии. Из второго и третьего выпусков тоже значительное число выпускников поступило в высшие школы и смогло применить свои знания в разных странах⁴⁸. Некоторые оставались в Бизерте и распределялись на русские корабли. В последствии многие из выпускников Морского корпуса сделали карьеру во французских военных и коммерческих флотах.

Командование Русской армии также высоко оценивало уровень подготовки кадетов в Морском корпусе, отмечая, что «корпус поставлен прекрасно, и окончившие его гардемаринны подготовлены для будущей службы и воспитаны в духе старых славных традиций флота»⁴⁹.

В результате работы Корпуса было выпущено 300 юношей, из них 179 человек со специальным образованием и 121 – с общим образованием⁵⁰.

В рамках деятельности Севастопольского Морского корпуса в Бизерте была активизирована издательская, военно-научная и литературная жизнь русской диаспоры. Корпус стал не только своеобразным объединительным центром русской колонии в Тунисе, но и одним из связующих звеньев этой колонии с русскими эмигрантами «первой волны» во всем мире.

---

46. Там же, с. 52.

47. *Россия в изгнании...*, с. 221.

48. *Кадетская переключка...*, с. 51-52.

49. ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 37(2), л. 156.

50. «Приказ № 51 по Морскому Корпусу. 25.05.1925 г. », *Узники Бизерты...*, с. 240.

Гардемарины Морского корпуса создали свой художественный театр. Спектакли ставили среди живых декораций – растений и цветов, и каменных стен форта. В 1921 году в Бизерте на базе литографии Морского корпуса капитан Нестор Александрович Монастырев (1887-1957) начал издавать *Морской сборник*, который стал не только печатным органом русской колонии Туниса, но и распространялся еще в 17 странах. Подводная лодка «Утка» служила издательством. Офицеры приносили и присылали в сборник свои воспоминания о днях гражданской войны, о боях первой мировой, работы по военно-морской технике, печатали обзоры жизни Русской эскадры в Бизерте. Всего вышло с 1921 по 1923 год 26 выпусков. Историки долгое время пытались собрать его полную версию, и лишь недавно подвижник военно-морской истории России В. Лобыцын обнаружил все номера, разбирая коллекцию русско-американского общества «Родина», доставшуюся Российскому фонду культуры⁵¹. Одновременно Н.А. Монастырев занимался историей Российского Морского флота⁵².

Кроме *Морского сборника* в Тунисе в начале 20-х годов издавались и другие печатные издания: рукописные молодежный информационный *Студенческих листок* и литературно-поэтический альманах *Черная лилия*⁵³, а также газеты *Последние новости* и *Возрождение*, редактором которой был Ольденбург.

Подводя итог воспитательно-образовательной деятельности русской эмиграции «первой волны» в Тунисе, можно сказать, что в сложных социально-экономических, правовых и морально-психологических условиях, она оказалась достаточно состоятельной, чтобы достойно вырастить и воспитать детей, дать им образование и сохранить в их памяти и языке Россию.

Признание Францией СССР (1924 г.) и решение судьбы Русской эскадры

28 октября 1924 года Франция признала Советский Союз. Адмирал Эхсельманс (Exelmans), французский морской префект, сам объявил об этом собравшимся на «Дерзком» офицерам и гардемаринам. В 17 часов 25

---

51. *Бизертинский морской сборник: 1921-1923: Указатель статей, биографии авторов*, сост. В. В. Лобыцын, М., 2000; В. Леонидов, «Возвращение 'Морского сборника'», *Русская мысль*, 8-14/02/2001, № 4352, с. 10.

52. Н. Монастырев автор книг: *В Черном море: 1912-1920*, Париж, 1928; *На службе Императорскому Флоту*, Берлин, 1930; *История Русского Флота*, совместно с С. Терещенко, Париж, 1931; *На трех морях*, Тунис, 1932 и др. За свою плодотворную научную и творческую деятельность был удостоен награды французского правительства «*Palme académique*».

53. ГАРФ, ф. 5837, оп. 2, д. 220; Там же. д. 289.

минут 29 октября 1924 года был произведен спуск Андреевского флага⁵⁴. Русская эскадра закончила свое существование.

Морской корпус, благодаря адмиралу Эксельмансу, смог закончить учебный год. Сигнал «Разойтись!» прозвучал в лагере Сфаят 6 мая 1925 года. 25 мая 1925 года надо считать днем окончательной ликвидации Морского корпуса⁵⁵. Французское правительство позаботилось о кадетах последнего выпуска. Им были выданы паспорта, разрешавшие свободный въезд во Францию, бесплатные билеты на пароход до Марселя, а до Парижа можно было добраться за половину стоимости⁵⁶.

Предстояло решить дальнейшую судьбу кораблей⁵⁷. В начале 1922 года были проданы Франции два транспортных судна, чтобы покрыть расходы на содержание русской эскадры. В течение того же года подобная участь постигла: «Добычу», «Илью Муромца», «Гайдамака», «Голанда», «Китобоя», «Всадника», «Якута» и «Джигита». В последствии эти корабли были перепроданы французами в Италию, Польшу и Эстонию. В 1921 году уникальную плавучую мастерскую «Кронштадт» переименовали в «Вулкан» и передали французскому флоту⁵⁸. Однако в конце 1924 года в Бизерте еще оставалась приблизительно половина эскадры.

Первое время всем казалось, что корабли будут переданы Советскому Союзу. В декабре 1924 года в Тунис для осмотра кораблей и решения вопроса об их дальнейшей участи прибыла советско-французская комиссия. С советской стороны ее возглавляли академик А. Н. Крылов и советский военно-морской атташе в Великобритании и Франции Евгений Беренс, для которого эта миссия была особенно сложной, т.к. командиром эскадры в Бизерте был его родной брат Михаил Беренс. М. Беренс, чтобы избежать

---

54. *Русская православная община в Тунисе: историческая справка*, Архив Храма Воскресения Христова в г. Тунисе. Фонд не описан. л. 1.

55. «Приказ № 51 по Морскому Корпусу...», с. 239.

56. *Россия в изгнании...*, с. 221.

57. В конце 1920 – начале 1921 года в Бизерт пришли: линкор «Генерал Алексеев» («Император Александр III» – водоизмещение – 23 тыс. тт.; линейный крейсер «Кагул» («Генерал Корнилов») – 6.750 тт. и крейсер «Алмаз» – 3.300 тт.; эскадренные миноносцы «Беспокойный» – 1.100 тт., «Гневный» – 1.100 тт., «Дерзкий» – 1.100 тт., «Поспешный» – 1.100 тт., «Пылкий» – 1.100 тт., «Капитан Сакен» – 615 тт., «Цериго» – 1.325 тт., «Жаркий» – 350 тт., «Звонкий» – 350 тт., «Зоркий» – 350 тт.; подводные лодки «Буревесник», «Тюлень», «Утка», «А.Г. 22»; канонерки «Грозный», «Страж»; учебные судна «Моряк» («Ксения», «Свобода») и «Якут» – 1.300 тт.; ледоколы «Илья Муромец» – 4.700 тт., «Всадник», «Гайдамак» – 1.250 тт. и «Джигит» – 922 тт.; буксиры «Черномор» – 1.100 тт., «Голанд», «Китобой» – 230 тт.; транспорт-мастерская «Кронштадт» – 16.000 тт.; транспорт «Добыча» – 2.000 тт., «Дон» – 8.000 тт. («Баку»); бывший линкор затем бренд-вахта «Георгий Победоносец» – 11.000 тт. Всего – 33 единицы. (См.: ГАРФ, ф. 5903, оп. 1, д. 436, л. 1-2.) Сюда надо добавить пароход «Великий князь Константин», который ушел назад в Россию.

58. С. Филатов, «Последний переход», *Россия*, № 6 (116), 3-9 февраля 1993, с. 8.

встречи с братом, предпочел уехать в другой город. Братья Беренсы так больше никогда не увиделись.

Первоначально вроде бы удалось достигнуть предварительного соглашения о передаче кораблей Советскому Союзу. Но затем возникли как экономические, так и политические сложности. С одной стороны, встал вопрос: за чей счет будет производиться необходимый ремонт судов, для их подготовки и последующей отправки в Россию. С другой, возникла проблема возвращения царских долгов, выплату которых требовали бывшие союзники России. Стали раздаваться голоса, что флот в Бизерте должен пойти как часть для их уплаты. Безусловно, Запад боялся и усиления советского флота за счет бизертских кораблей. Эту мысль активно защищал Врангель. В итоге члены советской делегации покинули Бизерт 6 января 1925 года.

Франкоязычная пресса Туниса писала, что корабли не представляют больше никакой ценности, т.к. не могут самостоятельно осуществить морской переход⁵⁹.

Тем не менее, Генеральный французский Резидент в Тунисе в феврале 1925 года отказал представителю одной из итальянских компаний в просьбе осмотреть корабли с целью их возможной покупки, что, так или иначе, наводит на мысли об истинности утверждений о плачевном состоянии судов⁶⁰. Протоколами советской комиссии мы пока не располагаем. Официально Франция отказалась передавать корабли Советскому Союзу, и они остались в Бизерте, а затем были проданы на металлический лом.

На металлический лом были проданы: «Георгий Победоносец», «Кагул», «Алмаз», «Жаркий», «Звонкий», «Капитан Сакен», «Гневный», «Цериго» и учебное судно «Ксения»⁶¹. «Генерал Корнилов» в 1930-м году был отправлен во французский порт Брест, где его также превратили в груды железа. Последним из крупных кораблей в 1936 году был продан броненосец «Генерал Алексеев» (бывший «Император Александр III»). Его купил русский инженер А. П. Клягин. Скорее всего, им руководили, наряду с другими, и патриотические чувства. Вся утварь этого огромного корабля: якоря, люстры, мраморные плиты и т.п. была передана на строительство церкви Александра Невского в Бизерте⁶². С исчезновением броненосца «Генерал Алексеев» заканчивается история кораблей Русской эскадры.

1924 год принес большие изменения в жизни русских эмигрантов в Тунисе. К этому времени здесь оставалось около тысячи русских, 149 из

---

59. *Tunisie Française*, 30/12/1924.

60. Archives Nationales de Tunisie à l'Institut du Mouvement National de Tunisie à Manouba, Université Tunis 1, Archives de Nantes, Série Tunisie, c. 7, d. 5.

61. А. А. Манштейн-Ширинская, «Андреевский стяг»..., с. 6.

62. С. Ольман, «Гибель последней русской эскадры», *Русская мысль*, 22-28/07/1999, № 4279, с. 15.

которых жили в Бизерте⁶³. Значительную часть этих людей составляли женщины, старики и дети. Многие русские нуждались в медицинской помощи. Приведем данные из письма вице-адмирала Жеенна (Jehenne) во французское морское министерство. В этом документе говорится, что на начало 1925 года на «Георгии Победоносце» оставалось 26 мужчин, 15 женщин и 10 детей. Среди этих лиц: 7 человек – неизлечимо больные, один слепой, у четверых – туберкулез и 4 человека «слишком стары, чтобы работать»⁶⁴. Вероятно, подобная ситуация сложилась и на других судах. Это были военные моряки с членами их семей, которые провели несколько лет на кораблях и которые после спуска Андреевского флага, в новых условиях, были вынуждены их покинуть, чтобы начать строить новую жизнь.

Социально-экономические и правовые аспекты интеграции русских в Тунисе

Процесс поиска русскими беженцами работы в Тунисе начался еще весной 1921 года и проходил в особо сложных социально-экономических и правовых условиях.

Относительно проще найти работу могли врачи, медсестры и юристы, а также те, кто владел какой-либо рабочей специальностью: электрика, механика, повара. Несколько человек были приняты в кампанию Сфакс-Гафса, на Большие мельницы Туниса и тунисскую почту. Одновременно нужно отметить, что большинство представителей русской диаспоры в Тунисе принадлежало к дворянскому или мещанскому сословию или же к военно-морскому флоту. Это обстоятельство, с одной стороны, определяло достаточно высокий образовательно-культурный и профессиональный и квалификационный уровень «белой» эмиграции в Тунисе, а, с другой стороны, создавало морально-психологические проблемы при трудоустройстве. В Тунисе начала 1920-х годов требовались, главным образом, земледельческие рабочие (2 050) и техники (100), рабочие в рудники (80)⁶⁵. Но русские брались за любое дело, даже если это не соответствовало их квалификации: работали в сельском хозяйстве, строительстве, на общественных работах. Студент-юрист становился медбратом, профессор – муниципальным рабочим, инженер – ночным

---

63. A. Manstein-Chirinsky, *La dernière escale : le siècle d'une exilée russe à Bizerte, Tunis*, 2000, p. 159; «Русская колония в Тунисе: от собственного корреспондента», *Русская мысль*, 3/06/1949, с. 9.

64. Письмо С. Махрова А. Ширинской с выпиской из письма № 136 вице-адмирала Жеенна (Jehenne) от 24.02.1925 г. в Морское министерство, хранящееся в Морском архиве в Венсенне во Франции (Archives de la Marine de Vincennes, France), Архив А. А. Манштейн-Ширинской. Фонд не описан (Тунис, г. Бизерта).

65. А. А. Ширинская, *Бизерта: Последняя стоянка...*, с. 126-127.

сторожем или продавцом сладостей⁶⁶. Были и такие, кто пытался организовывать свой небольшой бизнес: ресторан, кооператив и др.⁶⁷. Однако большая часть русских, особенно женщины, могли найти работу только прислуги или домработницы, и лишь немногим из них удалось избежать этой участи.

Русские беженцы, с одной стороны, для того, чтобы обеспечить свое существование, были вынуждены соглашаться на любую работу, а, с другой, надежда на возвращение в Россию придавала некоторый оттенок временности всему происходящему, в том числе, и в профессиональной жизни.

Определенную помощь в трудоустройстве пытались оказать и колониальные власти. В конце 1924 года Морской префект Бизерты адмирал Эксельманс составил список русских беженцев с указанием их специальностей и стремился ознакомить с ним работодателей⁶⁸. Однако здесь возникла проблема, связанная с юридическим и правовым статусом русских беженцев. В связи с обострением национально-освободительного движения в Тунисе, а также увеличением численности итальянской колонии, превосходившей почти вдвое французскую, для увеличения процента французских подданных в стране, в первую очередь за счет представителей европейского населения, с 1929-1930 гг. по распоряжению французских властей приоритетное право при поступлении на работу стало отдаваться гражданам Франции.

Русские беженцы начинают принимать французское подданство (на основании Закона о натурализации от 20 декабря 1923 г.)⁶⁹ однако этот процесс происходил очень медленно, вплоть до 1956 года, и вызывал много разногласий, как среди самих русских эмигрантов, так и в отношениях русской колонии и французских властей⁷⁰.

---

66. Étienne Burnet, *Loin des icônes : roman des émigrés russes*, Paris : Flammarion, 1923.

67. *L'avenir social*, n° 177, 24/4/1921; *L'avenir social*, n° 178, 28/4/1921.

68. *Копии списков русских, желающих получить работу*, Архив А. А. Машштейн-Ширинской, Бизерта, Тунис. Не описан.

69. Данный закон был принят с целью численного увеличения французского присутствия в Тунисе за счет натурализации представителей, главным образом, многочисленных европейских национальных диаспор (итальянцы - около 90 тысяч, мальтийцы - более 12 тысяч человек), которые проживали на территории Туниса, начиная с середины XIX века. Их численность значительно превышала общее число французов в Тунисе (около 50 тысяч). Значительно упрощается также натурализация проживающих в Тунисе евреев (К 1936 г. натурализовано 30 тыс.) и местного арабо-мусульманского населения (около 1 тыс.). - См.: Ahmed Kassab, *Histoire de la Tunisie: l'époque contemporaine*, Tunis : Société Tunisienne de Diffusion, 1976, p. 206-207.

70. Archives Nationales de Tunisie à l'Institut du Mouvement National de Tunisie à Manouba, Université Tunis 1, Archives de Nantes, Série Tunisie. 1944-1949: (Bobine R 582 in I.S.H.M.N.) *Rapport de la Résidence en date du 24.03.1944 sur l'état d'esprit de la colonie russe*.

Каждый из беженцев принимал это решение самостоятельно, иногда на это требовались многие годы (архитектор В. Е. Лагодовский, 1949 г.), но были и такие, кто так и не пошел на этот шаг (контр-адмирал М. А. Беренс, капитан 1-го ранга Г. Ф. Гильдебрандт, капитан 2-го ранга И. С. Рыков, семья старшего лейтенанта А. С. Манштейна и др.).

Тем не менее, принятие русскими французского гражданства станет одним из факторов интеграции русских в европейское общество Туниса, а затем, особенно это касается второго поколения эмигрантов, и их ассимиляции во Франции. Одновременно принятие русскими французского гражданства становилось для французских властей некой гарантией их лояльности по вопросу сохранения французского протектората над Тунисом.

Отказавшиеся принять французское гражданство еще с октября 1924 года перешли на положение апатридов (лиц без гражданства), что лишало их каких-либо гражданских прав и социальных гарантий. Все, кто приняли такое решение и стали апатридами, вынуждены были перебиваться случайными заработками. Среди них был и контр-адмирал М. А. Беренс.

Безвыходное положение русских беженцев часто использовалось местными предпринимателями, которые предлагали невыгодную заработную плату или нанимали русских для замены местных бастующих рабочих. Тем самым русские беженцы оказывались в центре социально-экономических конфликтов Туниса, вызывали жесткую критику со стороны местных синдикалистов⁷¹.

Безусловно, наличие в стране русской колонии, хоть и немногочисленной, но достаточно проблематичной с точки зрения переживаемых ею проблем, создавало местным властям дополнительные заботы, на решение которых не всегда находились ни средства, ни возможности. Тем не менее, ни французские, ни тунисские власти не сделали какой-либо серьезной попытки использовать квалификацию и трудовые навыки русских эмигрантов для развития хозяйства страны. Русские устраивались самостоятельно, кто, как мог, меняли специальности, зачастую в ущерб собственным профессиональным интересам и опыту.

Материальные проблемы, а иногда и просто нужда, заставляли русских эмигрантов продавать привезенные из России ценности. Еще в апреле 1921 года в Тунисе на улице Сербии открывается лавка по продаже русских ценностей. Здесь можно было купить русскую шаль, меха, кружева, предметы из серебра и т.д.⁷².

Русские эмигранты в Тунисе, являвшиеся большей частью представителями привилегированных слоев русского общества, столкнулись

---

71. Сводка Иностранного отдела ГПУ о состоянии судов и команд российского военного флота в Бизерте и жестоким отношении к ним местных французских властей. 1922 г. - См.: *Русская военная эмиграция...*, т. 1, книга 2, с. 286-287.

72. *La dépêche tunisienne*, 9/4/1921.

в эмиграции с серьезным социальным падением, безработицей и нуждой. Мало кому удалось сохранить свой прежний социальный статус.

Большинство русских в 1920-е годы поселилось в столице Тунисе и в Бизерте. Многие выбрали именно Бизерт. С одной стороны, потому, что здесь оставался флот, а, с другой, сама обстановка этого небольшого, но очень красивого городка располагала к тому, чтобы здесь остаться. На рубеже XIX-XX веков в Бизерте обосновались многие европейцы: французы, итальянцы, мальтийцы. Это был многонациональный город-порт, интеграция в котором не представляла большой сложности. Русские с начала поселились в квартале «Маленькая Сицилия» («La Petite Sicile») рядом с итальянцами и мальтийцами. Даже улицы в Бизерте в 1920-е годы напоминали венецианские каналы⁷³. Дети разных национальностей ходили в одну школу. Русские фамилии не вызывали любопытства.

Что касается местного арабского населения, то русские были им восприняты в начале, как совершенно чужие и очень отличающиеся от арабов. Местные жители стали называть русских «ле рюс блан» («les Russes blancs»), как представителей Белой армии царской России. Это определение сохранилось в Тунисе и в наши дни, однако, сегодня, мало кто помнит его происхождение. Постепенно к русским привыкли, настороженность пропала, арабы подчеркивали присущую основной массе русских эмигрантов интеллигентность и образованность. Местными предпринимателями достаточно высоко ценилась русская рабочая сила. Около 10% русских Туниса освоили арабский язык. «...Очень быстро после своего появления в Тунисе русские эмигранты завоевали самое дружественное отношение со стороны туземного населения и пользуются и поныне в стране большим уважением», - писала в 1949 году газета *Русская мысль*⁷⁴.

Организация культурной жизни русской колонии Туниса

С момента своего появления в Тунисе, русские пытались организовать православную церковь. Вместе с беженцами на кораблях прибыли 13 православных священников. Наиболее выделялся среди них отец Георгий Спасский, который, согласно французским архивам, уже с 1921 года начал переписку с властями Франции об оформлении русского православного прихода⁷⁵.

---

73. A. Chirinsky, « Avec la doyenne des Russes de Tunisie: de Saint-Pétersbourg à Biserte: l'interview avec Mme Jamila Dridi », *El kanal*, Tunisie, juin 1993, p. 5.

74. «Русская колония в Тунисе: от собственного корреспондента», *Русская мысль*, 3/06/1949, с. 9.

75. *Русская православная община в Тунисе: историческая справка*, Архив Храма Воскресения Христова в г. Тунис, л. 1. Фонд не описан.

Первое время церковные службы проходили на специально оборудованной для этих целей палубе линейного корабля «Георгий Победоносец», где служил отец Иоаникий Полетаев, и в церкви Святого Павла Исповедника в Морском корпусе, разместившемся в бывшем французском военном форте Джебель-Кебир неподалеку от Бизерты. Когда люди стали постепенно перебираться на берег, начались поиски помещения, где можно было бы организовать богослужения. Так приблизительно в 1922 году в доме № 60 по улице Сельер (Rue des Selliers) в городе Тунис, в котором к тому времени обосновалась значительная часть русских беженцев, была оборудована домашняя церковь, получившая название Воскресения Христова. Сюда же привезли иконостас и церковную утварь с кораблей. Служил отец Константин Михайловский, проживавший с семьей в этом же доме. Помещение под церковь было предоставлено бесплатно господином Мустафой Баккушем (Moustapha Vassouche), являвшимся представителем одной из наиболее аристократических и влиятельных семей Туниса. После спуска в октябре 1924 года Андреевского флага корабельная церковь с «Георгия Победоносца» была перенесена в снятую бизертскую квартиру на улице Анжу (Rue d'Anjou), в одной из комнат которой и проходили службы. Православный приход, образовавшийся в Тунисе, формально находился под опекой Русской Православной Зарубежной (Карловацкой) Церкви, вначале обосновавшейся в Сербии, а затем в США в Нью-Йорке⁷⁶.

В конце 1930-х годов в Бизерте была построена первая русская православная церковь – храм во имя св. Благоверного вел. Кн. Александра Невского. Интересна и необычна история ее строительства. Идея возведения храма родилась еще в середине 1920-х годов, когда к русским приходит осознание неизбежной длительности пребывания на тунисской земле. С другой стороны, возникла идея – увековечить память кораблей. Идея строительства храма встретила понимание со стороны французского морского командования и, с полного его одобрения, в 1930 году был образован Комитет по сооружению в Бизерте памятника-часовни русской эскадре, который объявил о сборе по всему миру средств на покупку участка земли и последующее строительство храма-памятника⁷⁷.

Уже весной 1936 года, несмотря на все сложности со сбором средств, связанные в первую очередь с нищенским положением в основной своей массе русских эмигрантов, Комитет располагал достаточными средствами, чтобы купить участок земли и построить храм вчерне, т.е. без внутренней и наружной отделки⁷⁸. Есть сведения, что определенная материальная помощь

---

76. Там же, л. 2.

77. А. А. Манштейн-Ширинская, «Андреевский стяг»..., с. 6.; «Закладка морского храма в Бизерте», *Морской журнал*, Прага, № 10-11, 1937, с. 35 (233).

78. «Памятник кораблям в Бизерте», *Морской журнал*, № 3, 1936, с. 20 (72).

для строительства православной церкви была оказана на имя правления «Культурной ассоциации православных Бизерты», речь о которой пойдет ниже, правительством Туниса⁷⁹.

Однако, несмотря на всяческую поддержку в деле строительства храма, оказываемую русской колонии местными властями, для покупки земли и последующего строительства было необходимо зарегистрировать ассоциацию, т.к. только при наличии подобного рода ассоциации тунисские власти могли позволить иностранцам покупать землю и распоряжаться ею. Одновременно, в целях обеспечения политической лояльности русской колонии к властям, в учредительных документах специально оговаривалось, что ассоциация не будет преследовать никаких политических целей.

30 декабря 1936 года специальным постановлением премьер-министра Туниса было разрешено создание «Культурной Ассоциации православных Бизерты», во главе которой стоял капитан 1-го ранга Г. Ф. Гильдебрандт. На имя ассоциации были осуществлены покупка участка земли, а затем и строительство церкви. Торжественная закладка Храма-памятника кораблям Русской эскадры состоялась 10 октября 1937 года⁸⁰. Храм создавался по проекту и под руководством военного инженера, полковника Николая Сергеевича Сухаржевского (1878-1954)⁸¹.

В середине 1938 храм был уже закончен. В субботу, 10 сентября 1938 года, в Бизерте митрофорным протоиереем Константином Михайловским, прибывшим из Туниса, состоялось «малое освящение» Храма святого Александра Невского – памятника кораблям русской эскадры, спасшим при последней эвакуации Крыма около 150 тысяч русских людей⁸². Первым настоятелем храма был протоиерей Иоаникий Полетаев.

В середине 1950-х годов русскими эмигрантами «первой волны» и их потомками в самом центре тунисской столицы городе Тунисе по проекту архитектора М. Ф. Козмина была построена вторая русская православная церковь – Воскресения Христова. Средства на его возведение, как и на строительство храма в Бизерте, собирались по всему миру. 10 июня 1956 года состоялось торжественное освящение храма, которое совершил Преосвященный Иоанн, епископ Шанхайский.

Русские эмигранты «первой волны» в Тунисе существовали как самостоятельная культурно-этническая общность, сохраняя свои

---

79. Archives Nationales de Tunisie à l'Institut du Mouvement National de Tunisie à Manouba, Université Tunis 1, Archives de Nantes, Série E, C. 503, D. 8. *Lettre du 3/03/1938 de l'Association Culturelle des Orthodoxes de Bizerte au Directeur de l'Administration Générale et Communale.*

80. «Закладка морского храма в Бизерте», *Морской журнал*, № 10-11, 1937, с. 35 (233).

81. «Памятник кораблям в Бизерте», *Морской журнал*, № 3, 1936, с. 20 (72).

82. «Комитет по сооружению храма в Бизерте», *Морской журнал*, № 1, 1939, с. 16 (16).

национально-культурные и религиозные традиции. Тунис и Бизерта стали своеобразными центрами русской культурной жизни на тунисской земле. В обоих городах в связи с решением построить православные храмы были созданы «Ассоциации православных», которые не только способствовали организации религиозной жизни, но одновременно являлись и объединительными центрами русской культуры.

Тем не менее, социально-культурная жизнь Туниса в целом в 1920-1950-е годы несла на себе отпечаток русского присутствия. Русские, постепенно заняв свою социальную нишу среди других европейских колоний, сравнительно мало, за редким исключением, общались с местным арабским населением. И как следствие этого, влияние социально-культурной активности русской колонии распространялось, в первую очередь, на ту часть общества, которая была им ближе – европейцев и высшие слои местной аристократии.

Большой популярностью в Тунисе пользовался хор Ивана Михайловича Шадрина, лауреата Санкт-Петербургской консерватории и бывшего дирижера Императорской капеллы. Пришлись по душе и русские балалаечники. Их приглашали играть даже на официальные обеды к французскому Резиденту, о чем писал в одном из своих писем в Париж к Русскому Военно-Морскому Агенту В. И. Дмитриеву контр-адмирал М. Беренс⁸³.

В 20-х годах в центре Туниса на авеню Жиль Фери (сегодня Хабиб Бургиба - Avenue Habib Bourguiba) была открыта балетная школа Футлина и Дебольской, просуществовавшая полвека⁸⁴. Артисты приехали в Тунис в 1927 году на гастроли. Разразившаяся эпидемия холеры помешала им вернуться в Европу, и они приняли решение не возвращаться в СССР и остаться в Тунисе. За ними прочно укрепилась слава бывших танцоров Большого театра, хотя до эмиграции Мария Дмитриевна Дебольская танцевала в Мариинском театре в Петрограде, а Футлин в Москве. Школа танцев Футлина и Дебольской очень быстро завоевала популярность. Среди учеников школы были дети живущих в Тунисе европейцев, в том числе, сотрудников дипломатических миссий, а также дети богатых тунисцев. В конце каждого учебного года балетная школа Футлина и Дебольской давала спектакль в столичном театре Туниса. Представление становилось большим событием местной культурной жизни: зал бывал переполнен. Воспитанники Футлина и Дебольской давали также небольшое выступление на ежегодном балу «Союза русских ветеранов»⁸⁵. Футлин и Дебольская продолжали, одновременно с преподавательской деятельностью, выступать на сцене с

---

83. ГАРФ, ф. 5903, оп. 1, д. 461, л. 2.

84. А. А. Ширинская, *Бизерта: Последняя стоянка...*, с. 181.

85. Г. Махрова, *Мой Тунис*, М., 2002, с. 91; А. А. Ширинская, *Бизерта: Последняя стоянка...*, с. 181.

миниатюрными балетными спектаклями. Дебольская и Футлин одними из первых принесли в Тунис традиции русского балета, которые прочно укоренились в начале прошлого века и живут до настоящего времени.

Неповторимый колорит Туниса покорила многих русских художников.

Наибольшую известность, как в Тунисе, так и за его пределами, получил художник Александр Александрович Рубцов (1884-1947), внесший свой яркий вклад в культуру и развитие живописи этой страны. 1 апреля 1914 года А. Рубцов высадился на землю Туниса, где он будет жить и работать последующие 35 лет. Сначала отрезанный от России первой мировой войной, а затем революция большевиков и последующее за ней крушение прежнего мира ошеломят и глубоко потрясут художника. Он замкнется в себе и полностью погрузится в творчество. Жизнь А. Рубцова была примером довольно редкой, но все же наблюдавшейся в истории русской эмиграции тенденции, когда отдельные русские люди по разным причинам отказывались иметь отношение к «Русскому Зарубежью», игнорируя не только русские колонии, но и вообще любых своих бывших соотечественников. Рубцов практически не общался со своими соотечественниками и ни с кем не говорил по-русски. В 1924 году он принял французское подданство и стал называть себя «французом, родившимся в России»⁸⁶. Вероятно, это была своеобразная попытка художника уйти от реальности и начать «новую» жизнь. Однако близкие друзья-французы все же чувствовали в Рубцове его славянские корни и «загадочную русскую душу». «Мы-то понимаем, что должен Рубцов своей исторической родине: технику живописи и особый вкус к подчеркиванию мельчайших деталей, чувства обреченности и фатализм. Он и сам не может этого не замечать, но просто не хочет признавать», – писал друг и биограф Пьер Дюма⁸⁷.

С первого момента пребывания на тунисской земле А. Рубцов погружается в творчество. «Жизнь мусульман, при ее наблюдении изнутри, представляет собой поразительный спектакль, который диаметрально противоположен европейской жизни», – писал Рубцов⁸⁸. От юношеского увлечения интерьером А. Рубцов переходит к многожанровой живописи, в которой восточные сюжеты: природа, архитектура и типажи Северной Африки становятся доминирующими. В дополнение к этому художник обладал удивительной широтой, ярким многообразием и богатством техники: масло, акварель, гравюра, рисунок углем. Рубцов становится одержимым манией света и стремится к совершенству в отображении его оттенков. Эта

---

86. В. Лагутин, «Русский тунисец: Александр Рубцов», *Голос: Общественно-политический еженедельник*, № 32, 19-25 августа 1991.

87. Pierre Dumas, *Alexandre Roubtsoff, peintre de la lumière*, Toulouse : Privat, 1951, p. 7-8.

88. Patrick Dubreucq, *Alexandre Roubtsoff : une vie en Tunisie*, Paris : ACR Edition, 1996, p. 21.

отличительная черта живописи Рубцова позволила французскому журналисту Жерару Омону назвать его «художником света»⁸⁹.

После участия А. Рубцова в 1920 году в первом послевоенном Тунисском салоне – ежегодная выставка товарищества тунисских художников, для которого художником было предложено более 120 работ, он становится одним из наиболее авторитетных представителей тунисского изобразительного искусства, начинает активно принимать участие в выставках, персональных и коллективных, проходивших в Тунисе, Париже, Лондоне и других городах мира. Талант Александра Рубцова был отмечен орденом Французской академии художеств (1924), а еще ранее художник стал кавалером бейского ордена отличия Туниса (1920).

В Тунисе А. Рубцов был известен не только как художник, но и как топограф и просветитель. С середины 30-х годов он постоянно сотрудничает с журналом *Tunisie*. Художник иллюстрирует статьи, посвященные обычаям и нравам тунисского народа, а в 1938-1940 годах Рубцов публикует серию статей о старом Тунисе, в которых с грустью говорит о постепенном исчезновении под напором европейского модернизма национальной самобытности города⁹⁰.

Александр Рубцов скончался 26 ноября 1947 года от туберкулеза и был похоронен своими русскими соотечественниками в русской части тунисского христианского кладбища «Le Bourgel».

Русская художница Наташа Маркова приехала в Тунис в 1927 году, когда ей было 16 лет. Она также бежала из России с флотом Врангеля в Константинополь. Н. Маркова поступает в Тунисскую школу искусств, которую заканчивает первой по списку выпускников. С 1930 по 1982 год (до своего отъезда во Францию) Н. Маркова регулярно выставлялась в Тунисском салоне, участвовала в выставках, организованных Ассоциацией учеников, выпускников и друзей Тунисской школы искусств, в Салоне изобразительных искусств Туниса, а также в салонах «La Goulette», «La Marsa» и «Radès». Н. Маркова получила известность своими пейзажами, выполненными маслом, акварелью или гуашью. Но зрителей привлекают также и ее сценки из городской жизни Туниса, зарисовки арабских улочек и рынков. В 30-ые годы художница организовала студию-ателье живописи при православной церкви в Тунисе, где в течение многих лет давала уроки живописи всем желающим, воспитав, таким образом, несколько поколений тунисских художников⁹¹. Мужем Н. Марковой был архитектор В. Е. Лагодовский, занимавшийся строительством церкви Воскресения Христова в

---

89. Gérard Aumont, « Un peintre de la lumière, Roubtsoff », *Dépêche Tunisienne*, 21 décembre 1922.

90. A. Roubtsoff, « Un quart de siècle en Tunisie », *Tunisie*, № 86, 1938.

91. Natacha Markoff, « Peintre de Tunisie », *La Presse*, Tunis, 07.02.1999.

Тунисе. Эта супружеская пара долгие годы являлась активной участницей культурной жизни Туниса⁹².

Инженер-строитель Владимир Ефимович Лагодовский (1895-1983) прибыл в Тунис с Русской эскадрой⁹³. Родился В. Е. Лагодовский 25 ноября 1895 года в Санкт-Петербурге. Учился в Петроградском политехническом институте на кораблестроительном отделении⁹⁴, однако закончить образование молодому Лагодовскому не удалось, т.к. с началом первой мировой войны он записался добровольцем на фронт. Революционные события октября 1917 года привели В. Е. Лагодовского в Белую армию, с которой, после ее поражения на юге России, он и пережил Крымскую эвакуацию. В Бизерту пришел на борту крейсера «Алмаз» 25 декабря 1920 года и оставался на эскадре до конца 1924 года, живя на корабле-общежитии «Георгии Победоносце», и, разделив судьбу других русских моряков, пытавшихся спасти суда эскадры. После ее роспуска остался в Тунисе. В конце 1920-х годов французские колониальные власти для усиления своим позиций в стране переходят к политике натурализации, в первую очередь, представителей европейского населения. В этой связи по распоряжению французов с 1930 года приоритетное право при поступлении на работу стало отдаваться гражданам Франции. В. Е. Лагодовский по идейно-патриотическим убеждениям отказался принимать французское гражданство, что осложнило его профессиональные возможности в Тунисе. До 1949 года он работает на строительстве по вольному найму. В 1949 году, приняв французское подданство, Лагодовский открывает свое частное бюро по архитектуре и строительству (25, rue de la Commision, Tunis), которое успешно работало до 1982 года, когда, достигнув уже преклонного возраста, как почти все русские, Лагодовский и его жена – известная в Тунисе русская художница-пейзажистка Наташа Маркова, покинули Тунис и переехали жить во Францию. За тридцать лет работы в Тунисе В. Е. Лагодовский построил большое количество школ, больниц (госпиталь в г. Кеф), жилых домов. Ему заказывали проектирование и строительство отелей как в самой столице (большой отель «Nefta Palace»), так и в курортных уголках страны: в городе Сусс и на острове Джерба. Скончался В. Е. Лагадовский 24 ноября 1983 г. Похоронен в предместье Парижа на кладбище Сен Жермен ан Ле.

В середине 1940-х годов в Тунис приезжает Михаил Федорович Козмин (1901-1999) – архитектор, художник, теоретик градостроительства. Он родился 7 апреля 1901 года в Белоруссии в семье мелкого дворянина. После революции 1917 года примкнул к Белой армии, а затем оказался в эмиграции. Козмин поступает в Белградский университет, где учился

---

92. Г. Махрова, *Мой Тунис*, М., 2002, с. 64.

93. Информация о жизни и творчестве В. Е. Лагодовского любезно предоставлена его дочерью Татьяной Владимировной Лагодовской-Camboulives, проживающей в Париже.

94. ГАРФ, ф. 5837, оп. 1, д. 370, л. 15, 22об.

архитектуре у известных русских преподавателей Краснова, Папкова, Васильева и Самойлова. По окончании университета М. Ф. Козмин принял участие в перестройке югославской столицы, в том числе, спроектировал министерство строительства. Для себя архитектор построил на берегу Дуная в старинном жилом квартале сербского района Земун собственную виллу в сербском средневековом стиле «конаки». В 1942 году Земун присоединяют к Хорватии, что вынуждает Козмина бежать из страны в Германию, а затем во французский Тунис. С 1946 года М. Ф. Козмин получил контракт на работу в тунисском министерстве градостроительства. По устным воспоминаниям А. А. Манштейн-Ширинской, Козмин появился в Бизерте уже после второй мировой войны, был очень образованным и приятным в общении человеком, вместе со своей женой регулярно ходил в церковь и вообще был «очень русским» во всем. Первые годы М. Ф. Козмин занимался массовым жилищным строительством в Бизерте, разрушенной почти на 70% при бомбардировках 1942 года. Многоквартирные жилые дома, построенные русским архитектором, стоят в городе и до настоящего времени. После признания Францией независимости Туниса 20 марта 1956 года, М. Козмин становится одним из архитекторов первого президента Хабиба Бургибы, который, среди прочего, доверил ему строительство своей летней резиденции. М. Ф. Козмин закончил свою профессиональную карьеру главным архитектором Туниса⁹⁵.

Работал М. Ф. Козмин и для русской колонии. Будучи глубоко православным человеком, оказавшись в Тунисе, Михаил Козмин сначала занялся реставрацией русской церкви Святого Александра Невского в Бизерте, пострадавшей в годы войны, а затем разработал проект храма Воскресения Христова, построенного в центре Туниса в середине 50-х годов. Проект храма Воскресения Христова в Тунисе – стал одной из наиболее ярких работ М.Ф. Козмина и его главным русским художественным наследием в Тунисе. В 1962 году, уйдя в отставку, Козмин переезжает в Париж⁹⁶. Скончался архитектор весной 1999 года в г. Шавиле во Франции.

Таким образом, талант и способности русских архитекторов нашли свое достойное применение в Тунисе. В первую очередь, это было связано с повышенными потребностями страны в области архитектуры и строительства. В первой половине XX-го века французы начали придавать тунисским городам европейский облик, строить жилье для своих переселенцев, а также закладывали основы инфраструктуры страны. В годы после второй мировой войны велись восстановительные работы. Архитектурное строительство приняло новый импульс и размах с

---

95. Жан Бэс, «Архитектор и художник первой волны эмиграции М. Ф. Козмин (1901-1999)», *Русская мысль*, № 4285, 23-29/09/1999, с. 19.

96. Из биографической справки М. Ф. Козмина, составленной К. Махровым, Архив А. А. Машштейн-Ширинской, Бизерта. Не описан.

получением Тунисом независимости. С другой стороны, в Тунисе испытывалась серьезная нехватка высококвалифицированных специалистов в области архитектуры и строительства. Эта ситуация обостряется со второй половины 1950-х годов, когда французские специалисты в массовом порядке покидают страну, а местных тунисских кадров еще не было. Все эти обстоятельства способствовали тому, что русские архитекторы-эмигранты, несмотря на скромные возможности Туниса, смогли, тем не менее, не просто состояться профессионально, но и внести заметный вклад в развитие этой страны, достойно представив русскую архитектурную школу.

* * *

Рассмотрев различные аспекты жизни русской эмиграции «первой волны» в Тунисе можно отметить, что ее положение в целом вписывается в общее развитие русской эмиграции данного потока во всем мире. Тем не менее, своеобразен пройденный ею исторический путь. В первый период, с момента прибытия Русской Эскадры в Тунис в декабре 1920 - феврале 1921 года до ее расформирования в ноябре 1924 года, жизнь русских эмигрантов «первой волны» была тесно связана с Эскадрой и ее кораблями, а также Морским корпусом. В эти годы начнется активное расселение русских эмигрантов по разным районам страны, одновременно будет происходить и стремительное уменьшение численности русской колонии приблизительно до одной тысячи человек на конец 1924 г.

На протяжении многих лет вплоть до середины 1950-х годов, когда начнется исчезновение «белых» русских в Тунисе (их потомки переедут, главным образом, во Францию), русские будут жить в этой стране как единое национальное и религиозно-культурное сообщество. Несмотря на малочисленность русской колонии Туниса и непростые социально-политические и экономические условия страны, русские эмигранты смогли, тем не менее, внести свой более или менее очевидный вклад в развитие различных сфер экономики, культуры и искусства этой североафриканской страны.

Institut supérieur des langues de Tunis

mar2004@inbox.ru